

16+

Марк Вевиоровский

Птенцы Капицы

Марк Михайлович Вевиоровский

Птенцы Капицы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48723371

SelfPub; 2019

Аннотация

Петр Леонидович Капица – легендарная личность, в чем-то таинственная до сих пор. В первые послевоенные годы в МИХМе были выпущены две группы уникальных специалистов, отобранных Капицей студентами из разных ВУЗов. В ВУЗе сохраняется мемориальная кафедра, выпускники встречаются, но найти материалы об этих группах практически невозможно. Автору посчастливилось встречаться и общаться с четырьмя из этих ученых ...

Предупреждения.

При этом о том, что у этих моих знакомых есть за душой что-то неведомое и удивительное, я не знал до самого конца. Как и когда я узнал о спецгруппе в МИХМ'е, набранной П.Л. Капицей, за давностью времени кануло в лету.

Мне часто везло в жизни, везло на людей, с которыми меня сталкивала судьба.

Так и с учениками Петра Леонидовича судьба меня столкнула как бы шутя, без

Например, в нашей 15-й группе в МИХМ'е учился Сережа Дильман, рослый веселый компанейский парень. И как-то раз я в числе нескольких студентов оказался у него дома, и оказалось, что живет он в самом центре Москвы напротив Кремля в старинном здании с историей.

Здание протянулось вдоль набережной, и на втором этаже в широченном коридоре длиной во всю длину здания в двух громадных комнатах с высоченными потолками жила семья Сергея.

В первой комнате, переоборудованной в настоящую квартиру, жили Сергей с родителями, а в соседней – семья его старшего брата Виктора с маленьким сыном.

Я стал фотографировать этого мальчика – тогда ему было лет пять.

Мы вылезли на балкон через окно – выходов на этот балкон кажется вообще не было, и я стал снимать мальчика.

Прямо напротив через реку стена Кремля, над кото-

рой виднелось здание большого Кремлевского дворца, совсем рядом Москва-река и машины на набережной.

Это теперь балкон ограждают ажурные чугунные перила каслинского литья, подпираемые тощими чугунными колоннами, а тогда балкон ограждала каменная стенка высотой в подоконник.

Я снимал, и Сережа после каждого снимка говорил мне "спасибо".

Я бывал у Дильманов еще не раз – наш однокурсник сломал ногу, катаясь на Кавказе на лыжах, и мы навещали его ...

Но то, что старший брат выпускник особого набора МИХМ'а, произведенного Петром Леонидовичем Капицей, я узнал значительно позже.

А дело было так.

После принудительного возвращения на родину из Кавендишской лаборатории великого Резерфорда Петр Леонидович возглавил созданный для него Институт теоретической физики (ИТФ), оборудование для которого было выкуплено в Англии из лаборатории Петра Леонидовича у Резерфорда. Институт был устроен по-особенному, о чем желающие могут почитать во многочисленных мемуарах.

Петру Леонидовичу Капице принадлежат многочисленные изобретения, в том числе по технике глубокого холода (получение жидкого кислорода), и они были осуществлены во время ВОВ.

В первые послевоенные годы по инициативе П.Л. Капицы в МИХМ'е была организована кафедра "Турбодетандерные установки", и на 3-й и 4-й курс по этой специальности специально отбирали студентов не только с любых кафедр МИХМ'а, но и из других ВУЗ'ов.

Было набрано две группы (16 и 38 человек) и они обучались по специальным программам ведущими учеными страны Гухманом, Вукаловичем, Ландау и Лифшицем.

Гухман Александр Анатольевич, доктор физико-математических наук, профессор, один из основоположников теории подобия применения ее к процессам массопереноса. В годы моего студенчества читал нам лекции по теплообмену и теории подобия.

Вукалович Михаил Петрович, физик, доктор технических наук, профессор, основатель отечественной школы теоретического и экспериментального исследования физических свойств веществ. Мы все в студенческие годы, да и после, пользовались таблицами Вукаловича (термодинамические свойства воды и водяного пара).

Ландау и Лившиц – неразлучная пара ученых с мировым именем.

Лев Давидович Ландау или Дау – выдающийся теоретик в различных разделах физики: магнетизм, сверхтекучесть и сверхпроводимость, физика твердого тела, атомного ядра и элементарных частиц, физика плазмы, квантовая электродинамика, астрофизика и другие. Автор классического курса

теоретической физики совместно с физиком-теоретиком Евгением Михайловичем Лифшицем.

Обе группы студентов были выпущены в 1947 году, и это был единственный особый выпуск – Петра Леонидовича отстранили от всех работ по кислороду и от руководства ИТФ (там его место занял Александров). Причина отстранения Петра Леонидовича по тем временам была банальна – у него сложились напряженные отношения с Берией, и он отказался возглавить отечественный проект создания атомной бомбы.

Для справки: опала Петра Леонидовича с отстранением от всех научных работ (Главкислород, МГУ, МИХМ и др.) продолжалась до 1953 года, и даже тогда понадобилось специальное постановление Президиума РАН для восстановления достойного места для этого величайшего ученого.

В МИХМ'е (МГУИЭ) существует мемориальная аудитория П.Л. Капицы, и руководство института и кафедры "Холодильные и газовые машины" в честь 60-летия "капицинского" выпуска собрали бывших выпускников – их оказалось всего шесть: возраст.

Из присутствующих я лично знаю двоих, и знаю по многолетнему личному общению.

Это: Виктор Маркович Олевский и Виктор Васильевич Дильман, ученые с разными научными способностями и с разными профессиональными наклонностями.

ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ ДИЛЬМАН

Мне не сразу удалось перестроиться в отношении к Виктору Васильевичу от старшего брата моего однокурсника на отношения научного руководителя, ученого, наставника.

Виктор Васильевич был руководителем моей диссертационной работы – я не был аспирантом, я был соискателем, т.е. работал над диссертацией без отрыва от работы.

Это обстоятельство – рабочая тема была лицензионной, привело это к тому что диссертация получила гриф "Для служебного пользования" и оба тома диссертации оказались недоступны научной общественности. Воспользоваться результатами диссертации смогли лишь те, кто знал о ней и мог получить у меня разрешение ознакомиться с диссертацией в первом отделе института.

Виктор Васильевич руководил моей работой почти незаметно, направляя и поправляя меня, а уж учить меня было чему – в ходе работы пришлось создавать установки, методики эксперимента, обработки данных и всего, что сопровождает экспериментальные исследования. И при этом я не чувствовал "жесткого" руководства.

Но я знаю, что некоторые другие его диссертанты ощущали более плотную опеку с каждодневным контролем – я же был достаточно свободен, приносил Виктору Васильевичу лишь результаты. ЭВМ тогда были редки, но массив экспериментальных данных удалось обработать и получить зависимости, в которые прекрасно ложились чужие похожие

данные.

Потом была защита, на которой Виктора Васильевича не было – он был болен, и на всякий случай была договоренность с дополнительным оппонентом Адрианом Михайловичем Розеном. С Адрианом Михайловичем мы были хорошо знакомы – он часто появлялся и нас в институте на семинарах Кричевского и просто в лаборатории Дильмана.

Адриан Михайлович почему-то хорошо запомнил меня и через много лет передавал мне приветы через общего знакомого. Но его вмешательство не потребовалось, я успешно защитился и с большим букетом помчался домой к Виктору Васильевичу на улицу Кравченко. Там я рассказывал о свершившемся, а жена Виктора Васильевича кормила меня свежее зажаренным бифштексом.

Его жена была певицей и работала в Москонцерте, и на банкете в честь моей защиты за ней ухаживал Дима Стриженов. Он рассказывал ей, что он старый конник, и все знает про манеж – а певице предстояло петь в Манеже и она не знала, что это такое, и весело смеялась ...

Я и после защиты продолжал принимать активное участие в исследованиях, проводимых Виктором Васильевичем, на различных установках в институте и на промышленном оборудовании в Северодонцке, но чем мне дальше заниматься – было неясно.

И тут грянула реорганизация научной части института и я оказался в другой лаборатории с другой тематикой. И мои

новые работы были далеки от тематики, которой занимался В.В. Дильман, но при этом моя связь с Виктором Васильевичем не прерывалась.

В.В. Дильман успешно продолжал развивать научные основы решения прикладных задач массопереноса, и его монография "Методы модельных уравнений и аналогий в химической технологии" в соавторстве с Поляниным намного опередила уровень науки в 1988 году и во многом непонята до сих пор – это 300 страниц сложнейшей математики.

Виктор Васильевич читал лекции не только в МФТИ, но и в зарубежных Университетах ...

Как-то во время очередной встречи я увидел у него на столе толстый скоросшиватель с надписью: "ЛЕЦИЯ" и спросил разрешения посмотреть.

"Посмотри, конечно, только ты ничего не поймешь" ответил Виктор Васильевич – "там сплошная векторная алгебра".

Да, уровень моих математических знаний был явно недостаточен для понимания этих лекций.

ВИКТОР МАРКОВИЧ ОЛЕВСКИЙ

Когда я перешел из конструкторского отдела в научную часть института Виктор Маркович занимал должность начальника лаборатории N11.

Условием моего перевода директор ГИАП поставил успешную сдачу дух экзаменов кандидатского минимума –

"хотя бы философию и язык" так сказал Симулин.

"Мне проще сдать экзамены по специальности" ответил я, и сдал два экзамена по специальности "Процессы и аппараты".

А принимала экзамены у меня комиссия в составе: д.т.н. И.Ф. Голубев, к.т.н. В.В. Дильман и к.т.н. М.Е. Иванов. Так я впервые встретился с третьим "птенцом гнезда Капицы" – Марком Ефремовичем Ивановым.

Атмосфера экзамена была вполне доброжелательной, дружеской – и это была заслуга Дильмана и Иванова. Иван Петрович Голубев был достаточно грубым человеком и ярким антисемитом, но ему не давали проявить себя.

Помню, у меня был вопрос о гидравлическом ударе. Я это хорошо знал и рассказал с формулой, но доктора Голубева это не устроило – он сказал, что все это чепуха и есть только инерция потока жидкости. Оба кандидата наук сдержанно улыбнулись и перевели разговор.

И еще в ходе этого экзамена я почувствовал академический уровень образования выпускников Капицы. Мы в наших учебниках не видели имен авторов общеизвестных фундаментальных формул и зависимостей, а Виктор Васильевич и Марк Ефремович знали эти формулы по именам ученых – как и все в мире.

Я потом встречал эти имена в переводных монографиях и в иноязычных оригиналах.

В лаборатории N11 занимались широким кругом иссле-

дований для самых различных производств, разрабатываемых в ГИАП.

Раньше это был Институт азота, потом Государственный институт азотной промышленности, расширившийся до Государственного научно исследовательского института азотной промышленности и продуктов органического синтеза – просто "шапку" менять не стали из-за неблагозвучия.

Я попал в группу Виктора Васильевича Дильмана и на первых порах помогал доделать диссертацию его аспиранту, который тоже перешел сюда из конструкторского отдела. Работа была интересная, я активно включился в нее, хотя долгое время у меня даже не было своего рабочего места. Свой письменный стол у меня появился только после того, как 11-я лаборатория успешно разделилась на пять самостоятельных со своими тематическими направлениями и даже своими помещениями. Последнее было немаловажно – на момент деления в лаборатории N11 насчитывалось более 110 человек.

И всей этой машиной руководил Виктор Маркович Олевский, и руководил достаточно умело и успешно – после раздела он стал заместителем директора Института по науке.

Мне трудно оценить сферу научных интересов Виктора Марковича – как тогда, так и теперь с учетом его последующих должностей, но сфера эта была очень широка.

Но вполне возможно, что основной талант Виктора Марковича заключался в умении руководителя довольно непро-

стыми научными коллективами.

Мне приходилось близко наблюдать Виктора Марковича в самых разнообразных ситуациях – научные коллоквиумы, сопровождение научной делегации по нашим стендовым установкам, совещание у начальства в командировках и дружеские беседы с хорошо знакомыми людьми (птенцами Капицы).

И везде Виктор Маркович был разный!

Жена Виктора Марковича работала в ГИАП'е в строительном отделе. Она была архитектором и неплохой художницей – в институте устраивали выставки ее картин.

Лично с ней я знаком не был, она производила впечатление замкнутого и суховатого человека.

За давностью лет думаю можно раскрыть тайну этой семьи – у них бы ребенок с ДЦП.

Я об этом узнал – по секрету – от моей лаборантки, семья которой жила в одном доме с семьей Олевских. Вполне возможно этим объясняется "некомпанейность" Виктора Марковича.

Виктор Маркович заботился о своей физической форме – в командировках он играл в теннис с местными сотрудниками, а к себе в кабинет поднимался пешком по лестнице не пользуясь лифтом. Кабинет Олевского в ГИАП'е был во второй башне на каком-то высоком этаже – я там у него был всего один раз, я уже не работал в ГИАП'е.

А из материалов юбилейного сбора "капишников" я с

удивлением узнал, что Виктор Маркович один из авторов двух песен (написанных в студенчестве В.М. Олевским и Ю.Д. Арсеньевым.).

Когда ГИАП проходил процедуру акционирования я работал в другой организации, но Виктор Маркович не забыл меня и лично позвонил – так я вместе со многими знакомыми поучил две акции и как подавляющее большинство продал их. Акционирование проводилось с грубейшими нарушениями правил – сотрудник выкупающего акции банка свободно проходил в помещение комиссии по акционированию, агитация за продажу велась прямо у входа в эту комиссию, сюда же привозили мешками деньги ...

Так кончился ГИАП – Всесоюзный, Головной в отрасли, заслуженный ...

Здесь Виктор Маркович Олевский 33 года проработал заместителем директора. Оказалось, что он многие годы, как и Виктор Васильевич Дильман читал лекции в МФТИ, еще заведовал там кафедрой, а после ГИАП'а работал в НИО-ПИК'е и руководил кафедрой "Инженерная экология городского хозяйства" в МИХМ'е (МГУЭИ).

МАРК ЕФРЕМОВИЧ ИВАНОВ

С Марком Ефремовичем я познакомился на экзамене кандидатского минимума, который я сдавал для перехода из КБ в науку – в лабораторию N11.

Марк Ефремович был на редкость тихим и интеллигент-

ным человеком, и отличался уникальным уровнем профессионального образования, в особенности в области теплообмена.

По какому бы вопросу я к нему не обращался – я неизменно встречал доброжелательное внимание и высококвалифицированную консультацию. Было неясно – где находятся границы познаний Марка Ефремовича, хотя нередко мои вопросы были весьма далеки от сферы интересов и профессиональной деятельности этого ученого.

Именно ученого, ученого с большой буквы ...

Долгое время для меня звание ученого были достойны увенчанные сединами профессора и академики, и я долго привыкал что ученый – это исследователь, занимающийся исследованиями секретов природы, то есть я, и младший научный сотрудник, уже отношусь к этой категории. Тем более Дильман, Олевский, Иванов.

Коллектив лаборатории Марка Ефремовича работал слаженно и без шума, свойственного некоторым лабораториям, например, лаборатории И.Ф. Голубева – а ведь там занимались исследованием физико-химических свойств соединений из ассортимента продуктов ГИАП'а. Исследования физико-химических констант отличаются тем, что эти величины существуют объективно независимо от исследователя, и эта область самая надежная для диссертационной работы.

Сведения о семейной жизни Марка Ефремовича с одной стороны не официальные, но с другой стороны волей случая я

однажды оказался в непосредственной близости от его жены. Его жена оказалась весьма нервной собой с истерическим складом характера, и видимо только мягкость и воспитанность Марка Ефремовича позволяли сохранять этот брачный союз.

ЛЕОНИД ЕФИМОВИЧ СУМ-ШИК

С Леонидом Ефимовичем я познакомился после перевода из НИО-3 в НИО-6 в лабораторию к Дмитрию Михайловичу Попову, которая базировалась на территории Московского электролизного завода на берегу реки Яузы. Это тоже был коллектив, преобразованный в лабораторию после реорганизации научной части института и начальником ее, стал бывший сотрудник 11-й лаборатории, знакомый мне еще по громадной неразделенной лаборатории.

Отдел занимался различными органическими продуктами для производства волокон и пластиков, и аппаратурная лаборатория при всей ее необходимости для плодотворной работы отдела приживалась там с трудом – частично это происходило от того, что химики-технологи настороженно воспринимали вторжение в их область специалистов с иным мышлением, а частично просто из-за устоявшегося привычного и неторопливого стиля работы.

Там, на МЭЗ'е, у меня появились новые знакомства и упрочились старые, завязавшиеся еще в "метрополии", на улице Чкалова 50.

Я знакомился с новой для меня тематикой и фирменными материалами по производству мономера (предполагалась покупка производства за рубежом) и удивлялся аскетичному (или нищенскому) аппаратурному оформлению процесса по фирменным материалам.

А рядом со мной сидел общительный Леня Сум-Шик, и я до сих пор не знаю, как правильно пишется его фамилия.

В этом старом кирпичном здании вдоль берега реки Яузы довоенной постройки кроме

НИО-6 размещались подразделения КНИПО-7 (Комплексного научно-исследовательского и проектного отдела) под руководством И.И. Гальперина с которым я близко познакомился.

Коллектив лаборатории Димы Попова (мы были на "ты" еще с 11-й лаборатории) был дружный и слаженный.

Обедать мы ходили в расположенное рядом здание соседней организации, которой незадолго до этого руководил Лужков. Там один из нас (дежурный) затем закупал пирожки для послеобеденного чаепития, дежурный менялся, и этого ритуала строго придерживались.

Часть коллектива летом устроила культпоход на Пироговское водохранилище с костром и ночевкой в палатках (все с собой) – к месту ночевки мы плыли на моторке. Костер, спальник и пробуждение в лесу оставили незабываемые воспоминания и крепкие дружеские связи на будущее.

Кто и чем конкретно занимался в лаборатории Попова я так и не сумел за год разобраться, но зато узнал, что Леонид Ефимович является соавтором популярнейшего тогда накладного дверного замка – популярность определялась изумительной простотой конструкции и технологичностью в изготовлении (но простота вскрытия замка тоже присутствовала).

О том, что Олевский, Дильман, Иванов и Сум-Шик учились в МИХМ'е вместе я понял из разговоров на Востряковском кладбище на похоронах матери Виктора Васильевича, где собралось много сотрудников института – я туда ехал в машине Виталия Ручинского вслед за машиной Сум-Шика.

Ручинский осторожничал, проезжая полуоткрытые ржавые ворота, и на мой вопрос – почему Леонид Ефимович проехал, не сбавляя скорости – он ответил: не у всех папы академики.

А потом из разговоров я узнал, что все они (Дильман, Олевский, Иванов, Сум-Шик) кончали спецгруппы П.Л. Капицы (и видимо разные) и активно – с именами – предавались воспоминаниям.

На похоронах я фотографировал и потом передал через Виктора Васильевича фотографии его отцу и получил от отца трогательную благодарственную записку с цитатой из Поля Элюара.

К сожалению, в лаборатории Попова я проработал около года и перевелся поближе к дому в ИРЕА и получше узнать

Леонида Ефимовича не мог, но тем не менее у меня остались самые добрые воспоминания о нем. Знаю, что позже он руководил определенным направлением исследований и умер в 1980 году (1925 – 1980 на памятнике).

Таким образом эти очень разные люди, объединенные высоким уровнем образования и интеллекта, отобранные в студенческие годы П.Л Капицей, оставили значительный след в науке и в моей жизни.

Петр Леонидович Капица оставил в МИХМ'е значительно более весомый вклад, чем спецвыпуск "капишника". Профилирующие дисциплины, связанные с техникой глубокого холода, появились в институте сразу после выделения его из МХТИ им. Менделеева. Кафедра, объединившая тематику глубокого холода, несколько раз меняла название, и в 1944 году кафедру возглавил сам П.Л. Капица: дважды Герой Социалистического Труда СССР, лауреат Нобелевской премии, лауреат Ленинской премии, лауреат двух Сталинских премий, лауреат Государственной премии СССР, академик РАН, профессор.

Но ненадолго – в 1946 году началась травля академика и тянулось это до 1953 года.

А в 1976 году на основе кафедры образовался факультет "Криогенная техника", и с самого начала работу там возглавляли ведущие ученые в этой области, и кроме выпускников 1947 года было воспитано большое количество талантливых инженеров и ученых.

Об истории МИХМ'а и роли П.Л. Капицы можно прочесть в книге ректора МГУИЭ М.Б. Генералова "От МИХМА к МГУИЭ. Страницы истории", которую я к сожалению, я не читал.

Мне не могло присниться, но бывшие студенты групп Капицы говорили, что они никогда не видели на своих занятиях Петра Леонидовича.

В Яндексе в материалах о П.Л. Капице нигде нет упоминаний о спецгруппах в МИХМ'е.

Этого нет даже в истории кафедры имени П.Л. Капицы. А жаль ...

В оформлении обложки использована фотография: Физик Пётр Капица в рабочем кабинете. Фото: [РИА Новости](https://ria.ru/) / Лев Иванов, <https://ria.ru/>